

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 16-му

Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Отвѣтъ П. Сенаторову въ г. Самару о войнѣ, данный
Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, Епископомъ Томскимъ.

Вы вопрошаете о войнѣ и упрекаете пастырей церкви, не проповѣдующихъ о ней, какъ о злѣ, и желаете, чтобы и другіе приняли вашъ взглядъ на войну, какъ на зло первой руки и проч. Отвѣтствую вамъ на вопросъ о войнѣ.

Война есть бѣдствіе, какъ голодъ, моръ, какъ всякое физическое зло. Война, какъ и другія бѣдствія, есть послѣдствіе грѣха; она прекратится тогда, когда уничтожена будетъ причина ея—грѣхъ. Хотя грѣхъ искупленъ, омытъ Кровію Божественнаго Искупителя, но онъ не уничтоженъ; прекратится онъ тогда, когда все будетъ покороено подъ ноги Христа, Которому принадлежитъ побѣда надъ грѣхомъ и послѣдствіями его; когда приведется правда вѣчная, когда совершится судъ надъ грѣхомъ, упразднится послѣднее послѣдствіе грѣха—смерть и настанетъ общее воскресеніе. Когда правда отдѣлена будетъ отъ неправды, добро отъ зла, какъ

пшеница отъ плевель; когда будетъ новое небо и новая земля, въ которыхъ будетъ обитать только правда.

Но до этого времени пшеница и плевелы, по обътованію Христа, будутъ расти вмѣстѣ. Замѣтите: будутъ *рости*, а не *уменьшаться*, будетъ расти добро, но рядомъ съ нимъ будетъ крѣпнуть и зло; святое будетъ болѣе и болѣе святиться, скверное болѣе скверниться. Церкви Христовой, или истинному христіанству, подобаешь быть обуреваемой и воюемой силами ада; хотя она до конца вѣка останется неодолимой. Значить—будетъ всегда носительница правды, — эта Святая, Соборная, Апостольская Церковь, возглавляемая Христомъ; будетъ и представитель неправды—міръ, предводительствуемый княземъ его—духомъ злобы. Значить, будетъ грѣхъ, будутъ и послѣдствія его—бѣдствія, болѣзни, война и смерть. Первая война, какъ слѣдствіе грѣха, явилась въ семействѣ первыхъ людей между Каиномъ и Авелемъ. Потомъ война стала неизбѣжнымъ послѣдствіемъ распространенія грѣха: одни нападаютъ, другіе защищаются. Сильный нападаетъ на слабого, за слабого заступается другой сильный; вотъ и брань. Сильный похищаетъ у мужа жену, у братьевъ сестру, за обиженныхъ заступаются другіе—сродники и сосѣди. Вотъ и война. Четыре царя воюють съ пятымъ, побѣждаютъ этихъ, уводятъ въ плѣнъ съ другими и Лота племянника Авраамова. Что-же Авраамъ—другъ Божій? Собираетъ своихъ триста восемнадцать домочадцевъ, гонится за хищниками, отнимаетъ у нихъ добычу и возвращаетъ Лота племянника своего. Согрѣшилъ-ли онъ? Нѣтъ. Вотъ брань Израиля съ Амаликомъ: Моисей простираетъ молитвенно руки къ Богу, и Израиль побѣждаетъ Ама-

лика. Вотъ и на небѣ произошла война: Михаилъ и Ангелы его воевали противъ дракона и драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ. Конецъ брани: и низверженъ былъ змій, называемый діаволомъ и сатаной, низверженъ на землю; горе живущимъ на землѣ и на морѣ! Потому что къ вамъ сошелъ діаволъ въ сильной ярости, зная, что не много ему осталось времени (Апок. 12, 9, 12). Зло нападаетъ, добро защищается. Зло нападаетъ, чтобы царствовать; добро защищается, чтобы не дать мѣста злу. Грѣхъ ли это? Нѣтъ.

Вотъ Царь Константинъ недоумѣваетъ, къ какому Богу обратиться, чтобы побѣдить Максентія—врага христіанъ, и на небѣ показывается крестъ, а подъ нимъ надпись: „симъ побѣдиши“. Небо поощряетъ войну! Ужели неправда у Бога? Ужели оскудѣніе мірового закона любви? Конечно нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. У Бога всегда сочетается правда съ милостію, возмездіе съ прощеніемъ. Потворствомъ не поощряется зло, правда ратворяется милостію. Такъ и теперь. Войной защищаются нарушенныя права, пощадой къ побѣжденному врагу дается мѣсто любви.

Говорить: война разорительна. Справедливо. Но если оборонительная война разорительна, то наступательная могла бы быть еще разорительнѣе. Что было бы, если бы государство не оборонялось отъ нападающаго врага? Не пришлось ли бы тогда всякому гражданину защищать себя, свою семью, или вѣрнѣе, не настало ли бы тогда общее разореніе, общее рабство. Не могло ли бы у насъ опять монгольское иго, какое прежде было у насъ на Руси, или турецкое рабство, въ которомъ до нынѣ изнываютъ наши братья славяне.

Русскимъ героямъ.

Скажи-ка, лия, вѣдь не даромъ
Москва, сжаленая пожаромъ,
Французу отдана?

Дермоатовъ.

„Скажи-ка, мама, вѣдь не даромъ
Всѣ говорить съ волненьемъ, съ жаромъ

О вспыхнувшей войнѣ?

Любовью къ родинѣ согрѣты,
Читаютъ всѣ теперь газеты...

Кому-то шлютъ свои привѣты...

Кому?—Повѣдай мнѣ!»

„Такъ слушай, мой сыночекъ милый,
Какъ проявились наши силы,

Какъ пораженъ былъ врагъ.

Онъ, къ Русскимъ полонъ дикой мести,
Въ укромномъ пріютился мѣстѣ,

Гдѣ о войнѣ не ждали вѣсти

„Кореецъ“ и „Варягъ“.

Въ Чемульпо это было дѣло...

Два корабля дерзнули смѣло

Вступить въ неравный бой.

И пѣнье гимна зазвучало,—

То было грозное начало:

Любовью сердце запыхало

Къ отчизнѣ дорогой!

„Впередъ! Ура!“—Взвились два стяга

Судовъ „Корейца“ и „Варяга“...

Японскій флотъ ихъ ждалъ.

„Сдавайтесь, или будетъ худо,

Сейчасъ стрѣлять по васъ я буду!

Спасенья нѣтъ вамъ ни откуда!“

Японскій былъ сигналъ.

Но жаждой славы пламенѣя,

Герои наши на злодѣя

Пошли на всѣхъ паряхъ...

Тогда посыпались гранаты,

Но сами русскіе солдаты:

„Умремъ за родину, ребята!“ —

Кричали на судахъ.

И честно въ битвѣ умирали

И отомстить намъ завѣщали

За дивный подвигъ ихъ.

Но русскій бой былъ бой удалый:

Японскимъ кораблямъ не мало

Въ бока, въ корму и въ носъ попало

Отъ выстрѣловъ лихихъ.

Во много разъ былъ врагъ силенѣе,

Но были во сто разъ храбрѣе

„Кореецъ“ и „Варягъ“.

Суда пощады не желали,

Они заранѣ ликовали...

И котъ они себя взорвали, —

И посрамленъ былъ врагъ!“

Мать замолчала и тихонько,

Къ груди своей прижавъ ребенка,

Заплакала безъ словъ.

Тогда сыночекъ сказалъ: „Родная,

Я понялъ все... О Русь святая,

Такихъ героевъ создавая,

Ты побѣдишь враговъ!

Теперь я знаю, что не даромъ

Всѣ говорятъ съ волненьемъ, съ жаромъ

О вспыхнувшей войнѣ.

Любовью къ родинѣ согрѣты,

Читаютъ всѣ теперь газеты,

Героямъ шлютъ свои привѣты

И любятъ ихъ вдвойнѣ!“

Мих. Сашиновъ.

(Журн. „Мирный Трудъ“).

Положеніе армій и ихъ естественныя операціонныя линіи.

Наша армія генерала Куронаткина теперь уже почти вся стянута къ Ляояну, располагаясь полукольцомъ въ разстояніи 18-ти—30-ти верстъ отъ города. Линія нашего расположенія въ общемъ идетъ параллельно фронту японскихъ армій на разстояніи 5—6-ти верстъ, причеиъ южный участокъ (у Аньшань-чжана) и восточный (у Лацзышаня и Аньпина) заняты, повидимому, одинаково сильными отрядами. Центромъ расположенія нашей арміи служитъ ляоянскій укрѣпленный лагерь, прикрывающій желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Тайцзыхэ и путь отступленія, фланги же упираются въ р. Тайцзыхэ верстахъ въ 10-ти выше Ляояна и верстахъ въ 20—25-ти внизъ по теченію; имѣются ли у Ляояна мосты черезъ Тайцзыхэ кромѣ желѣзнодорожнаго, неизвѣстно. Вдаваться въ какія-либо сужденія насчетъ вѣроятнаго исхода борьбы за Ляоянь было бы, конечно, напрасною тратой времени. Положеніе нашей манчжурской арміи и Ляояна во всякомъ случаѣ не можетъ считаться неблагопріятнымъ въ виду начавшагося прибытія въ Ляоянь свѣжихъ подкрѣпленій (части 17-го армейскаго корпуса) и вслѣдствіе преимуществъ, какія даютъ намъ сильныя укрѣпленія, окружающія Ляояль.

Съ вышней стороны положеніе у Ляояна близко напоминаетъ положеніе Наполеона и союзныхъ армій у Лейница въ дни, предшествовавшіе великой „битвѣ народовъ“ (4—7-го октября 1813 г.), а также и обстановку, въ какой находились прусская и австрійская арміи въ день битвы при Кениггрецѣ (21-го іюня 1866 г.). Въ обоихъ случаяхъ арміи обороняющагося (Наполеонъ и фельдцѣйхмейстеръ Бенедекъ) были расположены полукругомъ на возвышенностяхъ (впереди Лейница и

Кениггреца) и въ тылу опирались на значительныя рѣки (Эльстеръ и Плейсса—у Лейцига, Эльбы—у Кениггреца). И въ обоихъ случаяхъ нападающій наступалъ концентрически тремя арміями (Согемская, силезская и сѣверная—въ 1813 г., эльбская, первая и вторая въ 1866 г.), охватывая оба фланга обороняющагося. Такое же положеніе, дѣйствительно, наблюдается и у Ляояна, но только всё разстоянія здѣсь увеличены, а мѣстность болѣе пересѣченная. Однако, выводить изъ этой несомнѣнной аналогіи вѣроятность неудачи ген. Куропаткина, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые органы заграничной печати, болѣе чѣмъ поспѣшно и легкомысленно. Вѣншее сходство есть, но духъ и качества армій иные, а потому и не можетъ быть рѣчи о грядущемъ будто-бы неуспѣхѣ. Одно можно сказать съ увѣренностью: если ген. Куропаткинъ рѣшитъ принять битву подъ стѣнами Ляояна, то сраженіе это будетъ изъ ожесточеннѣйшихъ и кровопролитнѣйшихъ въ исторіи. Японцы, конечно, постараются стянуть всё свои силы къ предстоящей битвѣ, т. е. въ трехъ арміяхъ 11 дивизій; считая, что для охраны праваго фланга и въ тылу арміи Куроки останется одна резервная дивизія и въ тылу арміи Подзу—одна резервная бригада (тылъ и лѣвый флангъ арміи Оку могутъ охраняться высаженной въ Иику территоріальной дивизіей), получимъ возможную максимальную численность японской арміи подъ Ляояномъ въ 270000 чел. (номинально) при 750 орудіяхъ и пулеметахъ. Общая же численность сражающихся въ предполагаемой ляоянской битвѣ можетъ дойти до 470000 чел. (номинально) при 1200 орудіяхъ, т. е. почти столько же, сколько билось въ двухъ упомянутыхъ величайшихъ битвахъ настоящаго столѣтія, при Лейцигѣ (480000 чел.) и при Кениггрецѣ (460000 чел.). (Рус. Вѣд.)

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко описывает перевязочный пунктъ. Тяжелая картина!

Священникъ съ зеленою эпитрахилью не давалъ мнѣ очнуться сегодня. Надо хватать, а глаза невольно прикованы: къ кому онъ подойдетъ, кого прикроетъ зеленая эпитрахиль, точно заслоняя умирающаго отъ послѣднихъ впечатлѣній, безпощадныхъ, ужасныхъ, этого подлаго и злобнаго міра. Вонъ казакъ съ сѣдою бородой. Борода залита кровью, на груди перевязка. Ложать не хочетъ. Священникъ легко и ласково старается заставить его опуститься. Опирается ладонью въ плечо. Когда онъ приподымаетъ ладонь, на ней кровь. Казакъ упорно сидитъ и крестится. Священникъ накрылъ его эпитрахилью... Крестить... Раненый спокойно ложится, и носилки уже колышутся въ рукахъ удаляющихся съ ними санитаровъ. Какой-то студентъ подбѣгаетъ, — показываетъ батюнкѣ влѣво... Тамъ, у повозки кто-то прямо на землѣ. Прицесень на шинели и сложенъ такъ. Священникъ опустилъ къ его бѣлокурой головѣ, я не вижу ничего... Опять подымается эпитрахиль... Всталъ и устало идетъ къ слѣдующему. Кто-то, оказывается, уже умеръ. Молодое безусое лицо. Совсѣмъ дѣвочка, и какая хорошенькая. Черные волосы налипли на лобъ. Мучительная смерть не испортила этихъ вѣжныхъ и тонкихъ линій.

Раненъ священникъ *Лобомудровъ*. Этотъ недавно назначенъ въ полкъ. Человѣкъ необыкновенной энергіи и воли. Мнѣ рассказывали объ огромномъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ рѣчью, обращенной къ уходящимъ полкамъ. Говорилъ онъ эту рѣчь на площади, говорилъ онъ страстно, зажигая всѣхъ своимъ порывомъ, своею готовностью идти и побѣждать. Говорятъ, это было что-то исключительное; казалось даже, что этому че-

ловѣку можно дать вмѣсто креста въ руки мечъ, и онъ будетъ первымъ изъ первыхъ въ бою. И когда онъ горячо призывалъ къ самопожертвованію, всѣ загорѣлись отъ эго словъ, а одинъ солдатъ не выдержалъ и закричалъ изъ строя:

— Постарася, батюшка!

— ПЕРМЬ. 11 іюля прибылъ военно-санитарный поѣздъ, привезшій 125 раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ, эвакуируемыхъ въ Казань, на пути отъ вокзала до пароходной пристани, гдѣ стоялъ „Новикъ“, тысячная толпа стояла сплошной массой по ту и другую сторону парохода. Вскорѣ понесли тяжело раненыхъ. При видѣ ихъ многіе снимали шапки, слышались привѣтствія, пожеланія. На носилки бросали цвѣты, пакетики, деньги. Георгіевскимъ кавалерамъ отдавали честь... Вотъ показались носилки съ тяжело раненымъ фельдфебелемъ пулеметной роты Викт. Драчинскимъ, грудь котораго украшена четырьмя георгіевскими крестами до золотого включительно. Носилки окружены кучкою военныхъ, идущихъ держа руку подъ козырекъ. Толпа безмолвно обнажаетъ головы предъ этимъ героемъ долга. У многихъ на глазахъ слезы. Потомъ пошли раненые болѣе легко, которыхъ на пристани засыпали вопросами. Нѣкоторые украшены Георгіями. Характерная подробность: очень многіе солдатики тащатъ съ собой свои ружья и особенно дорожатъ ими, гордясь, что не потеряли ихъ, не отдали врагу. Когда раненые устроились, дамы начали раздавать имъ чай, сахаръ, булки, папирсы, табакъ и т. п. Руководила этой раздачей супруга губернатора Л. Н. Наумова. Солдаты отъ души благодарили „барынекъ“ и видимо остались очень довольны. Роздано всего очень много. Такъ, однихъ папирсовъ выдано болѣе чѣмъ по 100 штукъ на каждого. Публика хлынула на пароходъ, окружила воиновъ и засыпала ихъ вопросами, на которые тѣ охотно отвѣчали. Ночью „Новикъ“ ушелъ въ Казань.

ЛЯОЯНЪ. 19-го іюля японцы возобновили наступленіе по всей линіи. Мы покинули передовыя позиціи и отступили къ главнымъ укрѣпленіямъ. Войска приготовились твердо ихъ отстоявать и удержали до вечера всѣ позиціи, но въ ночь на 20-е, по приказанію, отступили на Хайченъ безъ боя. Теперь мы очищаемъ Хайченъ. У насъ потеря за два дня болѣе тысячи. Отступали въ идеальномъ порядкѣ. (Русь).

— Восемнадцатаго іюля происходилъ круговой бой на всѣхъ позиціяхъ. Гр. Келлеръ, раненый на батарее осколкомъ гранаты, прожилъ нѣсколько минутъ и умеръ. На востокѣ, пользуясь запутанными горными узлами, прячась въ ущельяхъ и глубокихъ тѣснинахъ, японцы обошли правый флангъ тамошняго нашего отряда, такъ что частью своей вдвинулись ему въ тылъ. Мы энергично приняли бой со сравнительно небольшими силами. Въ убійственной жарѣ козловцы и воронежцы ходили въ штыки на горы, выбивая подъ огнемъ непріятеля съ занятой имъ сопки. Такія позиціи въ этой горной странѣ повсюду. Мѣстность запутана, пересѣчена до того, что въ полуверстѣ враждебные отряды не угадываютъ другъ друга. Случается, что японцы и наши лежали въ „секретахъ“ въ пятидесяти шагахъ другъ отъ друга, не подозревая о томъ. Взявъ сопку штыками и истребивъ на ней японскія роты, дравшіяся ожесточенно, наши, не успѣвъ вздохнуть, оказались подъ ужаснымъ дѣйствіемъ сосредоточенныхъ съ трехъ сторонъ японскихъ батарей. Главныя потери этого дня случились здѣсь. Наши стояли твердо. Свои батареи отвѣчали японцамъ, но противъ каждой нашей батареи было по нѣсколько ихнихъ. Къ вечеру на нашей батарее вышло изъ шестидесяти двухъ человекъ сорокъ. Въ виду невозможности держаться, надо было уйти сквозь пространство, занятое противникомъ. Батарея вывезла три орудія. Одно было окончательно уничтожено японцами, четыре приведены нами въ полную негодность, разбиты и взорваны.

Мы, пользуясь великолѣпнымъ маневрированіемъ и мѣткимъ огнемъ нашей третьей батареи, заняли подступы къ Хайчену и вывели изъ страшнаго огня потерпѣвшую нѣхоту. Наши потери значительны. У японцевъ уничтожены цѣлыя боевыя колон-

ны. У насъ были роты, гдѣ пали все офицеры, и команда понесла сравнительно большой уронъ. Такимъ образомъ, отбиваясь то штыками, то орудіями, мы могли занять подступы къ Хайчену, сокративъ линію обороны. Раненые вывезены большею частью изъ Хайчена въ санитарныхъ и приспособленныхъ товарныхъ вагонахъ. Въ лунную ночь все окрестности станціи были заняты носилками раненыхъ, недвижно подъ бѣлыми покрывалами лежавшихъ до погруженія въ назначенныя имъ мѣста. Сентиментальные люди возмущались товарными вагонами. Интересно, однако, чтобы сбившіеся съ ногъ врачи дѣлали безъ нихъ. Пришлось бы оставить умирать несчастныхъ до прихода новыхъ санитарныхъ поѣздовъ. Вагоны были приспособлены. Тамъ лежали матрацы и носилки. Такимъ образомъ, везутъ до Ляояна, гдѣ раненыхъ распредѣляютъ по госпиталямъ или отправляютъ на сѣверъ въ специальныхъ поѣздахъ, „Красный Крестъ“ не звалъ отдыха. Сенаторъ Треповъ поспѣваетъ повсюду, лично наблюдая за ходомъ дѣла. Ужаснымъ грузамъ, которые въ видѣ шинелей и сумокъ въ смертельной жарѣ по горамъ носятъ солдаты, положенъ конецъ. Сдѣлано распоряженіе нанять для этого по тридцати арбъ на полкъ. Страшно было смотрѣть, съ какимъ мучительнымъ усиліемъ нагруженные солдаты одолѣвали кручи.

Девятнадцатаго іюля, японцы задались цѣлью выбить Мищенко съ его позиціи. Наши батальоны грозною стѣною выросли у нихъ на пути. Наступленіе противника разбилось объ этотъ оплотъ. Все его усилія были безплодны. Атаки отбиты штыками. Ген. Мищенко весь день провелъ въ центрѣ огня на обстрѣливающейся отовсюду батарее. Четвертая батарея не дала японцамъ сняться, била по окопамъ, откуда разбѣгались какъ муравьи солдаты противника. Орудія ихъ были сбиты. Задача задержать врага на сутки достигнута малыми силами блистательно. Вообще за этотъ день барнаульцы держали себя превосходно. Японцы громадными силами дѣлали на ихъ окопы, такъ приближаясь, что наши выхватывали у нихъ ружья и ими били противника.

Особенно отличалась четвертая рота этого полка въ штыковомъ ударѣ. Раненый осколкомъ гранаты въ голову командиръ Моршанскаго полка Петровъ остался въ строю. На южныхъ позиціяхъ артиллерійское дѣло окончилось малыми потерями.

Въ палищемъ зноѣ, изнемогая отъ восьмидневнаго боевого бодрствованія, солдаты до вечера оставались на скалахъ и кручахъ, охраняя подступы къ Хайчену. Вечеромъ ихъ смѣнили новою частью. Съ орлиныхъ гнѣздъ открывалась громадная даль неописуемо пышныхъ нивъ, садовъ и роцъ, гдѣ только по движенію въ гаолянѣ виднѣлись кавалерійскіе отряды.

Гаолянъ такъ высокъ, что намъ сверху было ясно, какъ японскій эскадронъ совершенно спокойно, выславъ дозорныхъ шель въ двухъ верстахъ отъ нашего, и они не замѣчали другъ друга. По длиннымъ струйкамъ пыли мы могли опредѣлить наступленіе пѣхоты. Въ гаолянѣ же часть 34-го стрѣлковаго полка наткнулась на японскую пѣхоту. Сбивъ ее штыками и прогнавъ, потеряла двадцать два раненыхъ и семь убитыхъ. Въ удушливыхъ, напоенныхъ дыханіемъ безчисленныхъ травъ поляхъ отдыхали наши. Кругомъ есть колодцы, высохшіе отъ невѣроятнаго зноя. Въмѣсто дождей, пока солнце палитъ беспощадно страшное въ своемъ пламенномъ гнѣвѣ. Часты солнечные удары, особенно въ Барнаульскомъ полку. Уполномоченный „Краснаго Креста“ Кононовичъ сообщаетъ, что, растегивая и раздѣвая пораженныхъ ударомъ, санитары обжигались о мѣдныя застежки поясовъ. Только тихія ночи, даскающія прохладой, позволяютъ отдохнуть измученнымъ.

Въ Инкою идетъ высадка японцевъ. Пока съ транспортвъ спущено ими шесть тысячъ человекъ. Пришли туда двѣ канонерки провизника.

Двадцатаго іюля, командующій арміей объѣзжалъ боевыя части. Восемнадцать пластуновъ сквозь японскія позиціи пробрались въ окрестности Гайчжою. Тамъ оказалось только нѣсколько ротъ японцевъ. Командиръ 137-го Нѣжинскаго полка полковникъ Истоминъ отказался отъ производства въ генералы и отъ принятія бригады въ западномъ краѣ, не желая оставлять свой полкъ на боевой странѣ. *Вис. Немирозичъ-Данченко.* (Рус.Сл.)

(Сообщеніе столичныхъ газетъ)

— *Petit Rep.* печатаетъ телеграмму изъ Токио, въ которой сообщается, что авангардъ Куроки подходит къ Мукдену для того, чтобы развѣдать силы русскихъ и познаться съ ихъ укрѣпленіями и приготовленіями, которыя они сдѣлали, дабы обезпечить себѣ отступленіе къ сѣверу (Нов. Дня).

— Большинство петербургскихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ рисуютъ моментъ, какъ въ высшей степени серьезный. „Пришелъ, телеграфируютъ въ „*Matin*“ Леру, моментъ, который предчувствовалъ генераль Куронаткинъ съ самаго начала войны“, когда, вопреки плану главнокомандующаго русской арміей, придется дать генеральное сраженіе (Нов. Дня).

— Японская газета „Сидзи“ сообщаетъ: Въ Матцуямѣ командиръ японской бригады обратился къ русскимъ военно-плѣннымъ съ такою рѣчью: „Правительство наше принимаетъ всѣ старанія, чтобы облегчить вашу участь: если кто-нибудь недоволенъ чѣмъ, пусть напишетъ объ этомъ, если у кого-нибудь есть какое-либо желаніе, пусть также напишетъ, и всякое желаніе, не противорѣчащее закону о военно-плѣнныхъ, съ нашей стороны будетъ исполнено немедленно“. Плѣнные формулировали три главныхъ желанія: во-первыхъ, читать какую-нибудь иностранную газету, во-вторыхъ, разрѣшеніе болѣе частыхъ посѣщеній больныхъ земляковъ, лежащихъ въ госпиталяхъ, и, въ третьихъ, запрещеніе полиціи разгонять публику, собирающуюся смотрѣть на русскихъ (Русь).

* — Въ приказѣ по войскамъ сибирскаго военного округа въ виду появленія среди населенія и нижнихъ чиновъ частыхъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній предписано въ войскахъ округа принять рядъ мѣръ къ прекращенію и предупрежденію этихъ заболѣваній (Рус. Вѣд.).

— Корреспондентъ „Бирж. Вѣд.“ рассказываетъ, что послѣ боя у Вафангоу 1-го и 2-го іюня докторъ Емельяновъ и 5 студентовъ-медиковъ спасли раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія. Настала ночь. Они снарядили поѣздъ въ 20 товарныхъ вагоновъ, соорудили огромные факелы и тронулись въ путь. На

каждомъ шагѣ поѣздъ останавливался, чтобы не задавить кого нибудь. Сначала думали брать съ собою всякаго, кого только найдутъ тамъ, но вскорѣ нужно было отказаться отъ этой мысли. Однихъ тяжело раненыхъ почти въ полномъ безчувствіи, подобрали 382 человека.

Сестры милосердія изъ дневника корреспондента.

(Газ. „Русское Слово“).

Сестра милосердія,—что это за высота нравственная, сколько духовной красоты въ ихъ дивномъ подвигѣ! И опять, какъ въ турецкую войну,—ихъ, прежде всего, оцѣнилъ умирающій страдалецъ солдатъ. На моихъ глазахъ такіе стонутъ, и сквозь стоны слышишь: сестру бы мнѣ... сестру. Подойдетъ та, и умирающій улыбается сквозь свою нестерпимую муку... Что-то шепчетъ ему, должно быть, утѣшительное сама измученная и обезсиленная женщина—и стоны тише и тише... Гладить его по головѣ, по щекамъ... Презителенъ ли великому мученику въ эти минуты далекая ласка матери, полузабытое дѣтство? Передъ тѣмъ, чтобы отойти навсегда въ загадочный мракъ,—солдатъ точно поблагодарить хочетъ сестру... Возьметъ ее руку, долго держать въ своей... Самъ я видѣлъ, какъ почти окостенѣвшими пальцами онъ силится, въ свою очередь, вновь ее погладить и сквозь полусжатые зубы едва различаешь:

— Ты одна за насъ... Ты одна съ нами...

Вѣдь для другихъ—онъ боевая единица, работникъ на кровавой страдѣ,—только сестрѣ онъ родной, дорогой и близкій. Только она въ немъ видитъ человека, брата, друга!

— Ахъ, сестрица, сестрица!—вздыхалъ одинъ за нѣсколько минутъ до смерти.—И тебѣ тяжело... И ты намучилась.. Ну,

да авось—и тебѣ скоро будетъ спокойно... Отдохнешь, милая...

Что подразумѣвалъ подъ этимъ солдатъ?

То-ли, что тифъ скоситъ молодую жизнь, что на этой же сонкѣ манчжурской и этой милой дѣвушкѣ выроютъ яму, какъ и ему?..

Почемъ знать—слова умирающихъ понимаешь сердцемъ, а не умомъ. Такъ-то ихъ, пожалуй, и разъяснить не сможешь.

Я началъ съ сестры милосердія Вороновой—и приходится кончить ею же. Это очень богатая женщина, составившая на свой счет и на пожертвованія знакомыхъ цѣлый санитарный отрядъ. Ея желаніе быть всегда на боевыхъ позиціяхъ, работать въ обстановкѣ, отъ которой обыкновенно бѣгутъ слабые, трусливые, малодушные. Осуществлять его приходится ей съ большимъ трудомъ. Чтобы добиться приказа помогать „ближнему“, понадобилась повѣдка въ Ляоянь къ Куронаткину, съ удивленіемъ узнавшему объ отхоженіи къ сестрамъ милосердія, которыхъ онъ, какъ участникъ турецкой войны, ставитъ на достойную ихъ высоту.

— Желаю вамъ уснѣха, сестра; повѣжайте на ваше святое дѣло, съ Богомъ!

Евдокія Алексѣевна, не отдыхая, отправилась назадъ, и отсюда начинается лихорадочная дѣятельность ея, въ полномъ смыслѣ слова, летучаго отряда. Я ее видѣлъ 31-го мая, 1-го іюня, вторично—въ злополучную бойню подъ Вафангоу—верхомъ, по пути на перевязочный пунктъ, у носилокъ раненаго, у гроба умершаго. Она не покладала рукъ, голодная, утомленная, измученная! Гдѣ только она брала силы, откуда онѣ являлись къ ней? Кажется, самое сейчасъ на носилки,—вѣтъ, смотришь, она вся въ кипѣни страшнаго дѣла, въ страдѣ, подобной которой никто не придумаетъ. Снятая доставленныхъ

искалѣченныхъ солдатъ съ отвратительныхъ двуколокъ, отмачиваетъ повязки, сдѣланныя героями „Краснаго Креста“ въ цѣли, накладываетъ новыя. Даетъ вить однимъ, утѣшаетъ другихъ, достаетъ марлю, эфиръ, спиртъ—она вездѣ, точно раздвигается и растранивается, чтобы поспѣть всюду, гдѣ въ ней нужда. И это, вѣдь, не исключеніе—я рисую не Евдокію Алексѣевну Воронову—я даю общій типъ хорошей сестры. Остальныя въ большинствѣ подъ-стать ей. Онѣ играютъ служебную роль, потому что у нихъ нѣтъ своихъ отрядовъ, потому что онѣ взяты въ другіе, но та же работа, та же усталъ безпримѣрная, то же забвеніе самой себя до одури, до смерти. Вотъ, напримѣръ, одна. Кончила перевязку двадцать седьмого раненаго и хлопнулась о землю въ обморокъ,—не вынесла. Вѣдь каждому отпущено извѣстное количество силы. Истратилъ—и конецъ. Привели ее въ себя. Попросила пить, сдѣлала глотокъ, и черезъ минуту я ее вижу уже у носилокъ только что привезенныхъ новыхъ раненыхъ.

— Подите отдохните... Посмотрите, вы на себя непохожи...

— Некогда, некогда. Видите сами!

Откуда у нихъ силы?.. Сколько разъ я задавалъ себѣ этотъ вопросъ, повторялъ и повторяюсь на немъ, а все-таки ничего понять не могу. Богъ-ли даетъ, обманчива-ли кажущаяся женская слабость? Послѣ сумасшедшей работы, безотходной, кружающей голову, разбивающей нервы—цѣлаго дня, когда ей не пришлось ни на минуту рукъ сложить, думаю: ну, теперь, авось, отдохнетъ она. Эта такая хилая на видъ, тонкая, „трость вѣтромъ колеблемая“ сестра.

Разсказываю о ней въ нашемъ поѣздѣ офицерамъ.

— Какъ же, отдохнула!

— А что?

— Да представьте себѣ, что я вижу. Съ солдатомъ передъ нею — несутъ она и онъ шесть, а на шесть — подвизаный къ нему раненый... Подбѣжалъ къ ней: что вы дѣлаете, себя не жалѣете! Она посмотрѣла только на меня яркими лучистыми глазами, и только изъ этого взгляда я понялъ всю глупость моего „себя не жалѣете“.

Въ послѣднихъ числахъ мая наши роты, эскадроны и сотни не разъ въ горныхъ уздахъ Ляодуна — богатаго такими измѣническими трупцами, неожиданно наталкивались на японскія засады, развѣзды, пѣхотные посты... Приходилось наскоро отступать назадъ, выбирая мѣстечко, гдѣ можно отбиться. Такъ какъ подобныя встрѣчи случались внезапно, то разъ вышло совсѣмъ скверное дѣло. Мы ползли по дну лощины. Вдругъ огонь сверху... Постояли-постояли — отстрѣливаясь, — видимъ: не удержаться, нужно идти въ гору и бить оттуда лобъ въ лобъ, а то внизу они насъ, какъ волчатъ въ садкѣ, перебьютъ. Поднялись, заняли позицію. Въ лощинѣ остались одинъ убитый и трое раненыхъ съ нимъ. Раненыхъ — легко. Двое сами къ воуъ ходили ваинться — шагахъ въ семидесяти... Фельдшеръ съ ними. Перевязалъ одного, другого, третьяго, — что называется, въ прохладѣ. Вверху черезъ лощину пули свиснутъ — сюда ни одна не падаетъ. Только что было задѣлся онъ, какъ перенести этихъ трехъ куда-нибудь подальше отъ боя, въ сторону, откуда на помощь солдатъ позвать, какъ вдругъ — въ устьѣ лощины крикъ и топотъ коней. Онъ только успѣлъ кинутся въ кусты, около, и расластаться въ нихъ, не теряя изъ виду, что дѣлается съ ранеными. У него — самъ онъ — разсказывалъ — сердце захолонуло. Японцы остановились надъ несчастными — шевельнули: кто изъ нихъ живъ? И давай тѣшиться надъ ними... До сихъ поръ наши противники щадяли раненыхъ, даже пользовали ихъ въ своихъ госпиталяхъ, отправляли въ свои

санитарные центры. Въжавшіе изъ плѣна нахвалиться не могли ими. Но послѣ знаменитой казачьей атаки 17-го мая точно все измѣнилось. Наши никаки-ли подѣйствовали на ихъ воображеніе, громадность-ли потери въ маленькомъ дѣлѣ, только они вдругъ ожесточились, да какъ! Новоявленный культурный противникъ разомъ обернулся въ того самаго японица, когда дайміосы и самураи замучивали свои боевыя жертвы... Дѣло, о которомъ я рассказываю, было первымъ, когда японицы оказались снова прежними жестокими варварами. Фельдшеръ передаетъ, что они кололи раненыхъ, разбивали имъ головы камнями, стрѣляли въ нихъ въ упоръ. Стоны и вопли несчастныхъ скоро прекратились, и японицы, совершивъ свой главный подвигъ, профхали по лощинѣ дальше.

Я только что сошелъ съ сѣдла, какъ меня окликнулъ знакомый офицеръ.

— Поторопитесь, вонъ туда, къ тѣмъ холмамъ... Видите— толпа народа.

— Что тамъ? Я усталъ страшно. Восемь часовъ не сходилъ съ коня.

— Отдохнете потомъ. Привезли труны трехъ замученныхъ японцами солдатъ.

Бросилъ поводья казаку и пошелъ.

На перевязочномъ суматоха... Возятся со вновь доставленными ранеными. Какой-то казакъ раненъ въ животъ— строго насунилъ сѣдя брови и точно боли не чувствуетъ, въ себя ушелъ. Переживаетъ пѣчто невидимое и непонятное никому, но святое и послѣднее для него... Только когда окончили, онъ поднималъ глаза на сестру:

— Напрасно, милая!

— Что напрасно?..

— Потрудилась. Не надо... Мнѣ конецъ самъ вижу...

— Ну, вотъ. У тебя рана легкая.

— Ты это дружище!.. Которые не понимаютъ. Попа мнѣ... Покаяться надо!

— Гдѣ жь замученыя?—спрашиваю.

Мнѣ показываютъ площадку подъ яркимъ безнощаднымъ солнцемъ. Жжетъ туда такъ, что влился я за дуло ружья, стоявшаго въ козлахъ, и обжегся. Сврал большая рогожа... Изъ-подъ нея торчатъ четыре пары ступней. Дѣвъ въ сапогахъ, двѣ босыя. Корявыя, мозолистыя—на де, посмотри, какъ мы потрудились! Потрескавшіеся пятки, синева въ подошвахъ. Сапоги—въ комахъ сухой грязи... Рогожа горбится... Подъ нею что-то страшное, къ чему тягнетъ неотступно. Знаешь, что тамъ ужасъ, и все-таки такъ и позываетъ—приподнять и посмотреть!.. Солдаты кругомъ—съ суровыми, перенесенными лицами; какой-то казакъ шепчетъ про себя: „Ну, погоди!“ А въ глазахъ у него слезы...

— Родной есть?—спрашиваю, показывая глазами на рогожу.

— Нѣтъ!.. Такъ!.. Дружокъ!.. Сосѣдь!..

Страшно было поднять эту рогожу... Но когда ее подняли, дѣйствительность превзошла все, что можно было ожидать. Еще на трехъ были перевязки, сдѣланныя фельдшеромъ. Онъ такъ и остался. По нимъ видно было, что раны очень легки, и эти солдаты несомнѣнно бы выжили. Но—все остальное! Лица—губы въ крохи, ссадинахъ, у одного челюсть разсѣчена, колѣни разбиты, на груди характерныя раны—имѣютъ форму японскаго штыка въ разрѣзѣ... Нѣкоторые удары, вызвавшіе вовсе крови, показываютъ, что они были нанесены тогда, когда солдаты уже умерли. Надъ ними тѣшились злобно и долго... Но выраженіе этихъ лицъ!.. Особенно одно—полное муки, страха... Два—совершенно спокойны и тихи...

— Скорѣе, скорѣе опустите цинковку.

Но ранѣе надо было исполнить печальный долгъ. Обыкновенно заявленіямъ такого рода никто не вѣритъ. Ихъ принимаютъ преувеличеніямъ корреспондентовъ, какъ, напримѣръ, и тщательно отмѣчалъ до сихъ поръ великодушное отношеніе японцевъ къ нашимъ плѣннымъ и раненымъ. Корреспондентъ „Харбинскаго Вѣстника“ А. В. Бородавкинъ снялъ съ мучениковъ фотографіи, тоже сдѣлалъ подъесаулъ Волынской, адъютантъ состоящаго при намѣстникѣ начальника штаба генерала Жилинскаго. Сверхъ того, призвали врачей, пригласили военныхъ агентовъ и, осмотрѣвъ подробно трупы, составили актъ. При этомъ оказалось у одного 28 колотыхъ и рѣзанныхъ ранъ, ушибовъ, пербиты колѣни и разрубленное плечо, у другого—шестнадцать. Протоколъ осмотровъ подписали—донъ Хаиме де-Бурбонъ, полковникъ Шемико, военный агентъ французскій, агентъ американскій и, кажется, швейцарскій... Когда доставленные сюда живые раненые были перевязаны, погружены въ товарные (увы!) вагоны и отправлены на сѣверъ,—настала очередь тѣхъ, кто до сихъ поръ недвижно лежалъ подъ цинковкой. Сестра Воронова занялась ими. Она сама тщательно обмыла ихъ трупы, послала въ горы нарвать цвѣтовъ. Скоро въ большой и пустой домъ, гдѣ помѣщался ея санитарный отрядъ, нанесли цѣлые пучки голубыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ—все, что пока даютъ манчжурскія доли; за эдельвейсами тогда было подыматься слишкомъ высоко, потому ихъ здѣсь не оказалась. Другіе принесли пахучія травы... Инженеры Ринекъ и Вишняковскій вызвались доставить сейчасъ же гробы, а вверху на холмѣ—уже рыли большую братскую могилу... Вечеромъ, когда мы сюда пришли, на травѣ, свѣжей полевой травѣ и на цвѣтахъ лежали одѣтые во все чистое мертвецы. Воронова возилась, убирала ихъ головы голубыми и бѣлыми кистями. Десят-

ками входили сюда солдаты съ растроганными, печальными лицами. Останавливались, подолгу и пристально смотрѣли на своихъ неподвижныхъ товарищей. Изъ-за плечь переднихъ тянулись задніе. Нѣкоторые смотрѣли испуганно, другіе злобно. Но такихъ было мало—большинство было растрогано неразгаданною тайною смерти. Только вглядываясь въ однополчанъ погибшихъ, я невольно представилъ себѣ первый бой, гдѣ они будутъ побѣдителями. О, они и не простятъ и не забудутъ. Страшно дѣлалось за эту длинную бойню съ жертвами, безвинными жертвами, не желавшими и не накликавшими войны...

— Гробы привесли, гробы.

Всѣхъ попросили удалиться.

Когда я вышелъ—передъ этой казармой (я не знаю, какъ иначе назвать пустое, полуразбитое зданіе) уже выстроились буквою „П“ солдаты. Музыка стояла въ сторонѣ. Сѣрый фронтъ былъ торжественно молчаливъ и весь сливался въ одинъ порядокъ неразличаемыхъ одно отъ другого лицъ. Рота была съ ружьями, другія безъ нихъ. Такъ было тихо и здѣсь и кругомъ во всемъ этомъ лагерѣ, что далекое ржаніе жеребенка раздавалось громко, отчетливо, назойливо, точно онъ ржалъ въ серебряную трубу. Гробы одинъ за другимъ выносили изъ казармъ. Тенерь, когда эти мученики были отяты,—лица ихъ производили совсѣмъ иное впечатлѣніе. Одно страдальческое. Убитый сразу уже потемнѣлъ. Но два остальныхъ! Особенно второй слѣва... Онъ приподнялъ голову на пучкахъ голубыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ и точно внимательно слушалъ кого-то,—широко раскрывъ свѣтло-голубые изумленные глаза. Первый съ разбитою челюстью—тоже смотрѣлъ живымъ и сознательнымъ взглядомъ на что-то видимое ему одному...

— Живой... Совсѣмъ живой.

Я подошелъ и отшатнулся.

Ноздри этихъ живыхъ были полнымъ-полны мухъ. Овъ кишмя-кишѣли тамъ, то вползая, то вылетая оттуда. Одиѣ расположились на разсѣченной губѣ. Воронова подошла, отогнала ихъ... Еще цвѣтами осыпала многострадальныя головы. Страшенъ былъ сознательный взглядъ широко открытыхъ свѣтло-голубыхъ глазъ мертвеца въ этой красивой рамѣ полевыхъ порослей. Собрались офицеры, пришелъ генералъ... Издали показалось четверо солдатъ съ темными громадными крестами. Подошелъ священникъ, оправляя бороду изъ подъ эпитрахили и тоже пристально вглядываясь въ лица мертвыхъ. Остановился на блѣдно-голубыхъ глазахъ и вздрогнулъ... Началась панихида...

Когда она окончилась, — солдаты подняли гробы. Въ полуверстѣ былъ холмъ, на которомъ чернѣли на синемъ фонѣ вечерняго неба старыя кресты... Передъ каждымъ гробомъ — солдатъ несть его крестъ, и эти черные кресты до сихъ поръ мнѣ не забыть, — такъ рѣзко они выдѣлялись на зеленомъ фонѣ скляя... Тихо двинулись солдаты. „Коль славень“ музыки наполнилъ всю долину. Къ ней точно прислушивались окрестные утесы, сопки, рѣчушка, на десятки рукавовъ развѣтвившаяся внизу. Лошади, поднявъ морды, пристально смотрѣли на наше печальное шествіе. „Коль славень“ замерло... Музыка двинулась влѣдъ, тоже играя похоронный маршь. Нишѣшній мнѣ совсѣмъ не нравится. Нашъ старый на слова: „Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ, когда мы вождя хоронили“, куда красивѣе, торжественнѣе, величественнѣе. Въ немъ вы дѣйствительно чувствуете трепетаніе таинственныхъ крыльевъ смерти — единственной царицы, которой доселѣ не измѣнило ничто живое...

Солнце садилось въ золотой океанъ огнистаго свѣта, рѣзко на немъ точно плавали голыя вершины сопокъ, утесы отражали

прощальные лучи... Долина внизу, упираясь на сѣверъ и на востокъ, уже обливалась низымъ туманомъ. Въ туманѣ рождались огоньки раннихъ костровъ... Кое-гдѣ только рѣзучка загоралась отъбѣтнымъ блескомъ... Внизу все оживало. Эскадроны и сотни вели коней на водоной, биваки точно воскресали, и веселый гвалтъ жизни странно доносился сюда, гдѣ въ пламени запада, восходя все выше и выше по крутой тропинкѣ, точно сами двигались медленно и царственно громадные черные кресты. Громадная братская могила жадно раскрыла темную пасть... Гробъ за гробомъ опускаются туда... Мы бросили комья бурой земли на рѣзко отозвавшіяся доски... Тихо стояли кругомъ солдаты. Что было за однообразнымъ маревомъ этихъ сѣрыхъ лицъ?

Когда мы взглянули снизу, — черные кресты точно плыли куда-то въ огнистомъ океанѣ страстного, живого, тренетавшаго каждымъ своимъ атомомъ свѣта.

Куда?

Можетъ-быть, въ царство настоящей правды, гдѣ они, кто лежитъ подъ ними, окажутся первыми, а мы послѣдними изъ послѣднихъ.

Или въ тотъ же бессмысленный миражъ, варварскій и дикій какъ все, что творится кругомъ.

Маленькая, худенькая, болѣзненная, если хотите, очень изящная, — но, кажется, дунеть вѣтеръ, и она переломится. У нея георгіевская ленточка въ петличкѣ. Разъ я ее только и видилъ съ нею. Обыкновенно она этого не носитъ. Получила за китайскую войну. Большіе черные глаза — даже не черные. Черные всегда не выразительны, а въ этихъ и глубина, и вопросъ, и тоска о чемъ-то. Смотришь на повязку „Краснаго Креста“ — и

диву даешься. Господи, да что же эта слабая „сестра“ может сдѣлать? Меня ей представилъ командиръ Приморскаго драгунскаго полка Вороновъ, ея мужъ. Голосъ тихій и нѣжный—въ сердце стучится. Такойъ бываетъ только у очень хорошихъ женщинъ. Такихъ, за какихъ даже Иегова въ праведномъ гнѣвѣ своимъ десять Содомовъ и Гоморрь бы помиловалъ. Русская почва никогда не оскудѣвала святыми и самоотверженными сестрами! Я всегда замѣчалъ, что худенькія, маленькія и повидимому, слабыя обладаютъ наибольшою силою воли; тамъ, гдѣ нужно, она у нихъ точно вся изъ желѣза кована и душа—ясности ея, пожалуй, небеса позавидуютъ, даже такія, какъ сейчасъ надо мнѣ, когда солнце только что село и она въ золотѣ и розовымъ блескомъ сквозить до самыхъ крыльевъ ангеловъ. Богъ знаетъ въ какой глубинѣ рѣющихъ надъ нами. Прощальная печаль умирающаго дня—я теперь угадалъ глаза сестры Вороновой—это именно то самое сравненіе, какого я искалъ, глядя на нихъ.

И сидѣлъ въ товариномъ вагонѣ, изъ котораго офицеры желѣзнодорожнаго батальона сдѣлали столовую. Въ углу нашъ неизмѣнный Яшка, цѣлый день суетящійся за самоварами, за обѣдами и завтраками. На лавкѣ молодежь, та именно откровенная, великодушная, смѣлая, за которую я такъ люблю военныхъ.

— Можно?

Одна изъ громадныхъ дверей вагона была отодвинута. За нею—тьма крошечная, безглазая.

— Можно?

Женскій нѣжный голосъ... Откуда онъ взялся здѣсь?

— Пожалуйста, пожалуйста! — радостно завопили всѣ.

— Это Евдокія Алексѣевна...

— Сестра Воронова.

Одинъ бросился подать ей стулъ внизъ. Вагонъ на высотѣ, такъ въ него не влѣзешь сразу. Надо стать на что-нибудь. Другой подаль ей руку—и маленькая женщина вскочила въ нашъ вагонъ.

— Чаю?

— Не хотите-ли ужинать?

Она осмотрѣла насъ ясными лучистыми глазами.

Смѣлый и бравый полковникъ вошелъ за нею. Съ нимъ я былъ уже знакомъ раньше.

— Нѣтъ, вы ей дайте какого-нибудь мяса, она вѣдь два дня не ѣла. Такъ перекусывала что-то мимоходомъ.

— Вы теперь съ нами?

— Да, наконецъ, разрѣшили впередъ. А то негодно-ли стоять позади—когда настоящее дѣло здѣсь.

Ночью подъ роковое 2-е июня я наткнулся на слѣдующую картину, которую мнѣ (никогда не забыть по ея глубокой и трогательной печали. Было темно. Даже звѣзды мигали какъ-то робко и скупо. Нашъ поѣздъ, черный во мракѣ, стоялъ на полотнѣ дороги, которой не видно было,—точно ея и нѣтъ. Позади—вагоны съ ранеными, только что доставленными сюда. Ихъ окна ярко освѣщены, тамъ мелькають озабоченныя лица врачей, сестеръ милосердія, санитаровъ... Какія-то носилки переносятся изъ одного вагона въ другой...

Слышатся крики: „Дайте марли... Сестра, принесите эфиру... Неужели сулема вся? Ножницы... „И вмѣстѣ съ этимъ тягучіе натуженные стоны... Опять дикій вопль, точно у какого-нибудь животного щипцами рвутъ тѣло, и опять зловѣщая тишина, гнетомъ ложащаяся на душу...

Я шелъ съ Дуббельтомъ, полковникомъ, командиромъ 34-го полка. Только что мы отбили лионцевъ, заставили смолкнуть три ихъ батареи, и хотя потери у насъ и были велики, но

настроение у всех оказывалось приподнятое, даже восторженное. Ожидали на завтра окончательной победы. Японская армия уже казалась, бѣжить передъ нами, мы проходимъ на ея плечахъ кинчжоускія позиціи, освобождаемъ Портъ-Артуръ. Дуббельтъ, у котораго душа изболѣлась за наши неудачи, только и повторялъ: наконецъ-то, наконецъ-то! Пожалуйста, телеграфируйте скорѣй, скорѣй. Надо успокоить нашихъ женъ, матерей! Вся Россія теперь ждетъ и мучится...

— Вы знаете — налетаетъ кто-то, неразличимый въ темнотѣ, — Тучковъ тяжело раненъ.

Это было дѣло 1-го іюня, когда въ одномъ и томъ же полку убито много офицеровъ: напавалъ — командующій имъ Хеастунновъ со своимъ адъютантомъ, раненъ Геригроссъ (только на другой день признался, что у него, кромѣ пули въ щеку, контужено и плечо. Генераль говорилъ: не хотѣлъ оставлять свою дивизию, — а скажи я — заставили бы идти на перевязочный!).

— Тучковъ?

— Да!

— Бѣдный Володя! Мы съ нимъ такъ хорошо сошлись въ дорогѣ. Надо бы навѣстить его. Что, теперь нустъ ятъ къ нему, на перевязку?...

— Отчего же. Вѣдь, навѣрное, съ нимъ кончили изъ первыхъ. Теперь онъ такъ лежить.

— Сестра его тутъ. Воображаю, что ова переживаетъ, пока не увидитъ.

Мы полземъ въ вагонъ. Именно полземъ, такъ какъ насъ угнали за семафоръ, гдѣ справа и слѣва сложные обрывы, дамбы, на которой только и умѣщаются вагоны, а рядомъ или ползи, какъ жокрица, или срывайся, куда хочешь. Доставляйте раненыхъ при такой обстановкѣ...

Освѣщенные вагоны съ ранеными все ближе и ближе. Дуббельтъ дѣлается мрачнымъ.

— Бѣдный Володя, воображаю, какъ онъ страдаетъ.

И вдругъ въ темнотѣ хватаетъ меня за руку.

— Если бы вы знали, что это за прекрасная душа. Дай Богъ ему поскорѣе выздоровѣть!

— Говорили, — неопасно раненъ.

— Военное время... Вонъ Шведовъ неопасно былъ тоже, а умеръ отъ заражения крови. Тутъ вѣдь условія особыя. Куда уже наблюдать чистоту...

На ступеньку вагона выскочила молоденькая сестра. Видимо, заморилась на работѣ. Жадно дышитъ прохладой ночи... Одна минута есть — и той надо воспользоваться во всю, — сейчасъ опять позовутъ. Тутъ каждая рука на счету...

— Простите, сестра... Гдѣ тутъ раненый Тучковъ?

— Раненый?.. — она съ удивленіемъ смотритъ на насъ.

— Да. Онъ сегодня съ позиціи доставленъ.

— Какъ же, какъ же. — И она заторопилась. — Вы не родные ему?

— Нѣтъ, это мой пріятель... Если нельзя его безынокить, — я въ другой разъ.

— Отчего... Теперь уже все равно... Все равно... — и вдругъ сестра милосердія вскрикнула. Тамъ у нея въ горлѣ что-то перервалось.

Я сразу не понялъ. Дуббельтъ побѣднѣлъ. Сюда изъ окна вагона лился свѣтъ, и я видѣлъ и его, и сестру. Они пристально смотрѣли другъ на друга.

— Умеръ?..

— Да, часъ назадъ.

— Гдѣ же онъ? Въ вагонѣ?

Нѣтъ, у насъ не хватаетъ мѣста и для живыхъ. Посмотрите, какъ все скучено.

—Гдѣ же онъ лежитъ?..

—Тутъ... Подальше, гдѣ дамба пошире. Его прямо на пологую дорожку положили... Я васъ сейчасъ проведу.

Она перешла на другую сторону площадки. Мы за нею спустились въ какую-то черную бездну со ступенекъ и чуть не ошунью поползли впередъ. Вонъ во мракѣ колышется что-то бѣлое, живое... Точно кто старается сбросить съ себя покрывало... Вѣтеръ печально свищетъ по невидимымъ полямъ. Гдѣ-то далеко-далеко стрѣляютъ...

—Сюда, сюда... Здѣсь...

Сестра ведетъ насъ къ бѣлому.

Прямо на дорогѣ носилки, прикрытыя простыней. Вѣтеръ забирается подъ нее, всучивается, колышетъ, точно силится сорвать и показать намъ, что тамъ лежитъ подъ нею...

—Такъ и положень здѣсь?!

—Да! Некуда больше.

—Сестра, да вѣдь нельзя такъ...

—Сама знаю,—чуть не плачетъ она.

—Сама знаю... Да что же мнѣ дѣлать. Поймите. Ну, что я могу. Больше некуда.

—Ахъ, бѣдный, бѣдный Володя,—вздыхалъ Дуббельтъ.

Онъ приподымаетъ простыню. Что-то неопредѣленноо, круглое, кровавое.

—Милая сестра... Нельзя-ли хоть фонарь намъ?

—Фонарь? Сейчасъ...

Онъ побѣжала впередъ. Мы одни во мракѣ остались надъ мертвымъ. Молчитъ ночь, плачетъ гдѣ-то вѣтеръ, робко-робко смигиваютъ слезинки тусклія сегодня звѣзды... Прямо въ черное лицо этой ночи смотреть сдвинутые, незрачіе глаза, и

вѣтъ-нѣтъ, да и всколочнется покрывало, будто мертвые руки хотят его сбросить пр...

— Оставленъ такъ на произволъ судьбы! Вѣдь...

А что „вѣдь“ — не закончили, сталъ на камни и цѣлуетъ уже похолодѣвшій лобъ усоннаго друга...

Издали, колышась, бѣжить къ намъ огонекъ, полоска свѣта отъ него во всѣ стороны, нѣтъ-нѣтъ и вырветъ изъ мрака бѣлый силуэтъ сестры...

— Едва дали! Тамъ самимъ фонари нужны...

Едва дышитъ — устала.

И взявъ у нея фонарь и освѣтилъ лицо умершаго.

Что за ужасъ... Смуглый лобъ, широко открытые удивленные глаза. Какъ-то неестественно вынучены губы, и на нихъ и подъ ними комьями заекшійся кровь. Изъ-подъ нея только и блестятъ великолѣпные бѣлые зубы. Рана сюда, пробита грудь... Еще гдѣ-то застѣла пуля...

— Какъ онъ мучился, бѣдный, какъ страдалъ...

И сестра вдругъ, бессильно опершись на мое плечо, заплакала надъ постороннимъ ей человѣкомъ.

— Простите... Тамъ при раняныхъ сдерживаешься. Стараешься не показать ничемъ... Улыбаешься. Они вѣдь слѣдятъ за твоимъ лицомъ. Сябешься — понимаютъ, что легко раненъ, и сами успокаиваются. Теперь прошло, будетъ. — Она вытерла глаза. — Тамъ некогда дѣвать вѣло первамъ и распускаться.

На полотнѣ розовыл пятна. Видимо, послѣ смерти еще текла кровь... Такъ и срываешь простыню... Кажется, что мертвый не только руками р бѣгаешь, но и ногами хочеть ее скинуть. Давить его она... Вдослѣтая рука, бѣлая до кисти, почернѣвшая отъ солнца кисть. Сильная. Видимъ, хорошо былъ скроенъ Тучковъ. Надолго бы хватило его, если бы не эти глухие куски свинца и желѣза.

— Прощай, Володя... Можетъ-быть, скоро увидимся.

Дуббельтъ крестить его...

И дѣйствительно, чуть не увидѣлись. На другой день, 2-го июня, въ злополучный неудачный бой, онъ былъ раненъ въ грудь навзлетъ и въ плечо... Его положили на носилки... Потянулись

санитары на перевязочный пункт. Вдруг разрывается граната, убиваетъ одного изъ нихъ и ранить Дуббельта въ животъ... Чуть не увидался со своимъ усопшимъ другомъ. Нѣсколько дней потомъ намъ говорили—сегодня: „Дуббельтъ умеръ отъ ранъ!“ завтра—„Дуббельтъ отлично себя чувствуетъ“... „Дуббельтъ вчера умеръ“... „Дуббельту гораздо лучше“... „Вѣднаго Дуббельта иѣтъ—третьяго дня скончался“, пока, наконецъ, мы не убѣдились, что полковникъ, сраженный вневеди своихъ солдатъ, живъ и поправляется!..

Въ эту слѣпую, черную ночь, уходя, мы оставили Тучкова на пологѣ дороги. Одного, съ фонаремъ въ головахъ, подъ колеблющимся бѣлымъ покрываломъ... Кругомъ сырѣли поды туманомъ и росю манчжурскія поля, во мракѣ подымались печальныя голыя сопки... Откуда-то издали мелькалъ огонекъ, можетъ быть, тоже отъ фонаря надъ трупомъ. Два эти огонька—и больше ничего въ безглазой, не проглядной пустынѣ. Вѣтеръ бѣжить по ней... Колышетъ простыню... Безлюдье...

Китайскія свиньи ѣдятъ трупъ. Онѣ привыкли къ этой пицѣ. Также и Тучкова могли бы съѣсть въ эту тоскливую, черную ночь. Слава Богу только что всѣ манзы передъ боемъ перебрались со стадами на сопки. Можетъ-быть, безъ этого—утромъ отыскали бы простыню и носилки, а трупъ пришлось бы собирать по косточкамъ. Говорять, сестра просила подождать ее—не хоронить, прѣехала черезъ день, но брата уже не застала. Спать въ далекой могилѣ страшной, никому изъ насъ не дорогой и не понятой страны... *Вас. Немировичъ-Данченко.*

СОДЕРЖАНІЕ. Отвѣтъ П. Сенаторову въ г. Самару о войнѣ, данный Преосв. Макаріемъ, Еп. Томскимъ.—Русскимъ героямъ.—Положеніе арій и ихъ естественныя операціонныя линіи.—Сестры милосердія изъ дневн. корреспондента.

При этомъ №-ръ разсылается объявленіе отъ Иконостасной мастерской М. А. Налашникова.

Редакторъ прот. І. Панормовъ. Цензоръ И. Новиковъ.
Томскъ. Тип. Еларх. Братства. Дозв. ценз. 15 августа 1904 г.